

НАЧАЛО

Анна

Подумать только: благодаря какой мелочи мы можем увидеть другого человека, увидеть по-настоящему! Ведь увидеть по-настоящему значит признаться себе, что ты влюблен, увидеть того, другого, вдруг, вон там, на том конце комнаты, словно в первый раз. Когда я впервые по-настоящему увидела Генри Фалля, мы уже какое-то время работали в одном отделе, и странно, что для этого понадобилась такая мелочь.

Мы были в гостях у нашего шефа, молодого человека с большими амбициями, про которого говорили: именно такой нужен нам, чтобы “оптимизировать деятельность”. Собрался весь отдел — чужие друг другу, неловкие, излишне принаряженные, покрашенные чуть основательнее, чем обычно, в руках — изящные бокалы вместо привычных кофейных кружек. Многие явились в новой одежде и чувствовали себя скованно. В вырезе у секретарши отдела, немолодой женщины с прической-шлемом, я увидела неотрезанный ценник. Может быть, она сохранила чек и надеялась на следующий день вернуть вещь в магазин. И получить назад свои купоны. Я так и видела ее у кассы, с блузкой в пропахшем потом пакете: спорит, потрясая чеком,

жалуется на качество, размер, какой-нибудь шов. Усталое, ярко покрашенное лицо продавщицы. Секретарша наверняка выйдет победительницей.

Перед ужином, накрытым в просторной гостиной с видом на залив, подали игристое "Роткэпхен"; хромированный сервировочный столик был уставлен бутылками. Я бесилась: то, что наш сопьяк-шеф может позволить себе представительские апартаменты в одной из новых высоток на самом Лидингё, с видом на Карлсудд и военную базу на Тюннингё, сервировочный столик и заграничную выпивку, наверняка предполагает высокопоставленную родню (что в свою очередь легко объясняло, как он получил начальственную должность). Генри, как обычно, оставался в стороне от общего разговора. И вдруг я увидела, как он берет бутылку дорогого коньяка, наливает, пьет большими глотками, а потом беззвучно ставит рюмку на столик, словно и не брал. Не сказать, чтобы это выглядело так уж красиво; у другого человека такой поступок показался бы возбуждающим опасения, признаком алкоголизма, нервозности, слабости, дурного воспитания. Но у такого мастера самоконтроля, как Генри, этот жест означал нечто совершенно другое: желание. Когда я увидела, как Генри пьет коньяк, мне впервые пришло в голову, что он, возможно, не тот, за кого я его принимала, что он может оказаться опасным для меня. Я начала наблюдать за Генри — и увидела много чего еще. Это было как собирать лисички. Сначала не видишь ничего, потом видишь кое-что, а потом грибы вдруг везде, куда ни

глянь. Второе, на что я обратила внимание в Генри, был его смех. Он умел смеяться. Звучит странно, но большинство людей не смеются. Они растягивают рот, как-то кашляют, квохчут, но не смеются по-настоящему. Генри смеялся открыто, беспечно, такой смех никак не вязался с его сдержанным обликом. Чем дольше мы работали вместе, тем чаще я ловила себя на том, что пытаюсь выманить этот смех, просто чтобы посмотреть, как Генри, согнувшись, падает на рабочий стол или откидывается на спинку стула — слезы льются из глаз, обнажаются ровные белые зубы. Да, третье: у него были необыкновенно красивые зубы.

Вообще же Генри был заурядный человек. Он исполнял свои рабочие обязанности прилежно, без оригинальности. Избегал рискованных решений. В недели, когда он дежурил в кухонном закутке, кухня бывала убрана безупречно. Он не был замкнутым, но не был и открытым, ничего не рассказывал о себе, пока его не спрашивали напрямую. Тогда он отвечал — вежливо и коротко. Что он делал в выходные, что он думает о новом фильме, куда поедет в отпуск. Он выдавал информации не больше и не меньше, чем требовалось, чтобы ответить на вопрос. Часто он предпочитал перевести разговор на спросившего — похоже, не потому, что человек этот был ему особенно интересен, а из вежливости или (как я начала понемногу подозревать) чтобы избежать разговоров о самом себе. Когда сослуживцы приглашали Генри на дни рождения, пикники, выпить пива после работы, он почти

всегда отклонял приглашения, вежливо и под извинительными предложениями. День рождения тетушки, стирка, он должен уехать, так что увы. В следующий раз — с удовольствием. Генри был человеком, который никому не мешает и которому поэтому никто не мешает. На работе все единодушно считали Генри Фалля приятным коллегой, но никто не обращал на него особого внимания. И когда я начала наблюдать за ним, мне пришло в голову, что эта дружелюбная дистанция, эта почти изощренная скромность были не случайными. Он сам так устроил. Генри хотел, чтобы все было именно так.

Его внешность тоже говорила о нем не слишком много. Он выглядел как мальчик из маленького города, выросший в доме с ухоженной лужайкой, за белым забором. Командные игры и картинки-головомки, летний лагерь “Пионер”. Он был чуть выше среднего роста, с квадратными плечами, словно в юности занимался спортом, но потом бросил. Без лишнего веса, но и не худой. Приветливый взгляд, темно-русые волосы. Он редко стригся, но щеки каждое утро бывали гладко выбриты. На бледном носу проступали веснушки, но невозможно было понять, загорают ли его плечи под летним солнцем или просто слегка обгорают. Зимой он носил варежки и шапку. Иногда на нем оказывались цветные носки с рисунком. Можно было подумать, что у него есть пестрый галстук, только он его не носит. Голос негромкий, слегка скрипучий. Он производил впечатление не то соседа, не то чьего-то друга детства — кого-то, кого ты встречала прежде,

но не помнишь где. Человек, которого не замечаешь в толпе. Если бы я не увидела, как Генри глотает коньяк, я бы, вероятно, не обратила на него внимания.

Я начала собирать информацию о Генри — то немногое, что нашлось. Он никогда не упоминал ни о детях, ни о жене, ни о подруге, так что я предположила, что он живет один. Как-то вечером я видела его на перроне с женщиной не из нашего отдела. Ее красота наводила на мысли об аристократии прежних времен — безупречный шоколадно-каштановый “паж” и пальто с меховым воротником; смеясь, она касалась его руки так, что я стала думать про них “они”. Может быть, пара, или по крайней мере спали друг с другом. Я попыталась представить себе их вместе, как они страстно занимаются любовью на смятых простынях, но собрать картинку оказалось сложно. Мысль о Генри, утратившем на время сдержанное спокойствие, смутила меня, но накрепко засела в голове. Я обнаружила, что, когда мы работаем вместе, я часто сижу, не сводя взгляда с его рук. Оставаясь одна, я пыталась представить себе его руки на своем теле, но не в силах была вообразить саму ситуацию, и все кончалось тем, что я чувствовала не возбуждение, а неловкость. Это было нелепо. И все же я не могла выбросить эти мысли из головы.

После того как я видела Генри пьющим коньяк, прошло несколько недель, и мы оказались в одном

проекте. Ничего примечательного в проекте не было — рутинная задача, выполнить — и перейти к следующей. Но как только мы начали сотрудничать, произошло нечто, удивившее, полагаю, нас обоих: мы отлично сработались. То, что казалось скучнейшим рабочим заданием, оказалось вдруг интересным делом; неделя шла за неделей, а мы все чаще оставались в конторе вдвоем, погружившись в обсуждение деталей, не интересных никому, кроме нас. Между нами возникло какое-то интуитивное взаимопонимание, отчего быть вместе стало приятно. Я помню, как ждала тех вечеров. Сотрудники уходили домой, этаж погружался в темноту, оставался лишь островок люминесцентного света, где сидели мы — с кружками кофе, с бумагами и завернутыми в пленку бутербродами с соленым огурцом, из автомата в коридоре. Генри словно выползал из своей раковины. С закатанными выше локтя рукавами, с взлохмаченными волосами (он снова и снова ерошил их, кажется, бессознательно) он становился более человечным.

В итоге наше отделение представили к премии за вклад в работу министерства, но когда премия ушла в другой отдел, я бросила о ней думать. Для меня огромной нежданной наградой стало то, что я открыла для себя Генри. Но на следующий день у кофейного автомата я поняла: он разочарован. Когда я упомянула о премии, у Генри сделался сердитый вид, и он ответил коротко и резко. Генри, поняла я вдруг, на свой корректный, сдержанный манер бесится из-за проигрыша. Тогда я и поняла:

в Генри, что не вязалось с его скромным видом, силен дух соревновательности.

Через несколько дней наш юный шеф пригласил нас на ужин, желая воспользоваться случаем и продемонстрировать, сколь высоко ценит нашу работу, даже если премия досталась не нам. “Для меня как для руководителя все равно победили вы”, написал он в еженедельном письме, когда было объявлено о вечеринке в ресторане. Я подозревала, что он переписал эту фразу непосредственно из министерского руководства для начальников.

Ужин проходил в одном из самых модных ресторанов города; заведение славилось тем, что в меню были импортные свежие ананасы, а электричество почти никогда не гасло. В действительности еда оказалась невкусной и дорогой, а официанты надменными. Я сидела рядом с Генри. Мне было слегка неудобно оттого, что я рядом с ним перед другими, словно мы, смущенно произнося тосты за проект, не получивший премии, признаемся в чем-то интимном, так что я не заметила, сколько раз прямые, как палка, официанты подливали мне в бокал. Где-то к середине ужина я поняла, что напилась. Генри отвечал на мои все более бессвязные вопросы о его частной жизни дружелюбно, но сдержанно и совсем не так, как в те вечера, когда мы с ним оставались в пустой конторе вдвоем. Он словно пытался по возможности вежливо восстановить дистанцию между нами и вместо того, чтобы бесе-

довать со мной, большую часть ужина допрашивал сослуживца на предмет преимуществ и недостатков внесения компоста на садовом участке. Уже по дороге домой, в такси, меня накрыло тоскливое чувство, что я как-то осрамилась, хотя не знала точно как именно. За окном одинокие ночные прохожие торопились домой или по эспланаде Союзников, и хлопья снега гнались за ними. Я оставила таксисту слишком щедрые чаевые, отперла дверь квартиры, стащила в прихожей сапоги, бросила одежду на полу гостиной и улеглась на кровать прямо на покрывало. Дурнота стояла в горле холодным комом, и казалось, что кровать несется куда-то по невидимому туннелю. Я легла на спину, постаралась сосредоточить взгляд на точке на потолке и незаметно для себя уснула. Мне приснился Генри. Мы лежали в одном белье на кровати, в большой белой комнате с развевающимися шторами на фальш-окне. Я все ждала, что мы начнем целоваться, но всякий раз что-то мешало. Время болезненно растягивалось и сжималось. Внезапно в комнате началась шумная вечеринка. Люди входили, искали какие-то вещи, Генри вышел и тоже что-то искал, потом вернулся, но тут же снова встал с кровати. “Сейчас, — подумала я во сне, — сейчас он меня поцелует”. Проснувшись от звонка будильника, я сначала не могла сообразить, где я, но едва я поняла, что лежу в собственной кровати, как мне тут же захотелось провалиться назад, в сон.

Как в тумане, я приняла душ, почистила зубы, оделась, не понимая, что делаю. Каждая клеточка

тела стремилась оторваться и улететь, и по дороге на работу я сидела в электричке, скорчившись, словно меня ударили в живот. Меня мучило похмелье, тело горько сожалело о вчерашнем; я никак не могла припомнить, кому что говорила вчера вечером в ресторане. Глядя на серые окраины, мелькающие за окном по дороге в министерский городок, и вертя в уме каждое слово и каждое действие, какое только могла вспомнить из вчерашнего дня, я вдруг осознала, что влюбилась в Генри.

Через несколько недель шеф вызвал меня к себе в кабинет и попросил собрать “*dream team*”^{*}, как он выразился. Надо было произвести разведку на местности и составить смету для возможной гуманитарной миссии в протекторате Кызылкум, на границе между Туркменистаном и Узбекистаном, в районе, находившемся после Второй холодной войны начала 2000-х годов под патронатом Союза. Чем больше рассказывал шеф, тем безнадежнее все выглядело. Уже сам проект помощи — такой, каким он вырисовывался из этого туманного описания, — казался почти неосуществимым, и столь же нелегким делом был расчет трудозатрат, материалов и персонала, исходя из комбинации невнятных условий и скудного бюджета, но все же, пока шеф говорил, у меня начался зуд в коленках. Я скорее почувствовала, чем поняла из его слов, что мне —

* *Dream team* — команда мечты (англ.), оптимально подобранная для выполнения задачи группа людей.

может быть, в виде исключения — удастся сделать что-то значимое. Что-то хорошее. Может, придется засесть за стол и погрузиться в расчеты, заняться координированием работы нескольких плохо организованных отделов, а времени практически в обрез. В общем, это было неподъемное задание, но я не могла отделаться от чувства, что где-то там, подо всеми слоями бюрократии и проволочек, мерцает некая возможность. И я согласилась; немалое удовольствие мне доставило изумление на лице нашего шефа, когда я, удостоверившись, что у меня действительно карт-бланш на набор сотрудников, согласилась выполнить задание.

— Если только они сами согласны, — сказал шеф и с озадаченным видом пожал мне руку.

Ясно было, что он ожидал от меня другой реакции — может быть, гнева, он ведь явно пытался пинком отправить меня вниз по служебной лестнице, делая при этом вид, что ничего подобного не происходит. Может быть, он ожидал споров, может, большего сопротивления.

Выйдя из кабинета начальника, я первым делом отыскала Генри. После окончания предыдущего проекта мы пару раз обедали вместе, но казалось, что с прекращением работы наш тайный язык канул в реку забвения, и я обрадовалась безупречному предложению попытаться восстановить наш союз. Я нашла Генри в коридоре и потянула с собой в буфет, а когда начала рассказывать о задании, то увидела, что и у него блестят глаза.